
О задачах, содержании и методике природоведных отделов краеведческих музеев в свете литературных данных

1940?

Александр Федорович Котс

Перед нами семь брошюр, составленных большими знатоками своего предмета и музейной практики:

в Печатном виде:

1. Проф. Н.Н. **Плавильщиков**. — «О Научно-просветительной пропаганде в Краеведческих музеях». — 1945.
2. Его же: «Пропаганде Дарвинизма в Экспозиции Краеведческих Музеев». — 1946.
3. Его же совместно с проф. А. **Яковлевым** и А.Г. **Гиллером**. «Экспозиция Отделов Природы в Краеведческих музеях». — 1946.
4. Проф. В.И. **Крыжановский**. — «Опыт Музейного Показа Минералогической Коллекции в Геологическом Музее имени А.П. Карпинского Академии Наук СССР» 1946.
5. А.Д. **Маневский**. «Основные вопросы Музейно-Краеведческого Дела.» 1943.

в Рукописях:

6. Проф. А. **Яковлев**. «Экспозиция почвы в Краеведческом Музее»
7. А.Г. **Гиллер**. — «Экспозиция Растительности в Краеведческом Музее.»

Вопреки брошюрному формату и листажу, большинство этих работ насыщено ценнейшим материалом, пусть не новым в отношении научном, но умело скомбинированным в сжатой, лаконичной форме, превращающей эти брошюры, или большинство их, в подлинные «концентраты» фактов и тематик, относящихся к познанию родного края.

В этом смысле труд проф. **Крыжановского** и большинство страниц написанных проф. **Плавильщиковым**, — подлинные шедевры, каждой строчкой выдающие не только знатоков своей науки, но и мастеров владения пером и словом.

Равным образом и за статьями А.Г. **Гиллера** и проф. А.А. **Яковлева** чувствуется в каждом слове неподдельная любовь к предмету и напор большого опыта и знания.

Более того, на положении «Справочника» вещного, фактического содержания (— а частью также техники подбора и монтажа —) приведенные работы могут быть весьма полезны краеведу для первоначальной ориентации при сборах и классификации имеющихся материалов.

В этом смысле все эти статьи найдут своих ценителей и факт издания этих работ возможно только горячо приветствовать.

Но совершенно иначе рисуется оценка этих же работ в аспекте их прямого назначения, четко выраженного в самом заглавии большинства брошюр: «в экспозиции Краеведческих Музеев.»

И понятно, почему.

В отличие от книжных перечней и списков, предназначенных для справок, то же их фактическое содержание, но предназначенное для перевода на **вещные**, музейные объекты, отвечать должно совсем особым требованиям «показа», крайне сложным и ответственным, когда вопрос касается музеев «Краеведения», т.е. музеев **массового** типа.

Но сначала — небольшое отступление.

Вопреки опасности упрека в элементаризме, мы позволим себе очертить немногими штрихами основные два принципа нашего Советского Музея.

В полное отличие от практики былых музеев, цель и смысл нашего советского музея массового типа (а тем самым и музеев Краеведения) — не простое только любование прекрасными и редкими вещами, но **идейное** их восприятие, их освоение как «вещно претворенные идеи, доводы и обобщения».

Не «**вещь**», как таковая, как бы ни была она прекрасна, или уникальна, и не «голая **идея**», как бы ни была она значительна, — но мысль, идея, претворенная, скристаллизованная в «вещи», — вот, что составляет содержание советского музея массового типа.

Но не только это. Не «идеи» лишь, как таковые, выражающие мысли, безразличные, «нейтральные», но выдвигающие мысль действительную, «нормативную», способную влиять на человеческие взгляды, или убеждения.

Не вещи, но идеи, ими выражаемые и при том идеи нормативные, — которые, не ограничиваясь констатацией того, что есть, свидетельствуют нам о том, что должно.

Сказанное поясним примером.

Грандиозные музеи Зоологии Парижа, Вены, Брюсселя и Лондона, в том виде, как я заставал их при моих повторных посещениях Западной Европы, — призваны только знакомить посетителей с многообразием животных обитателей Земли, и рядовому, массовому потребителю этих музеев, уходя из них по окончании осмотра, оставалось только подивиться этому богатству и многообразию.

Не то наши советские музеи Зоологии, имеющие целью приобщить своего массового зрителя к основам Дарвинизма, как естественно-научной базы для марксистского мировоззрения.

А теперь вернемся к нашей основной задаче и посмотрим, в какой мере этим установкам отвечают таковые разбираемых брошюр.

Согласно предыдущему задача ваша может быть сводима к **четырем** вопросам: именно о **содержании, форме, потребителе** и **целеустановках** Краеведческих музеев и о соответствии их с установками интересующих нас работ.

Формулятивно можно было бы сказать: сопоставляя установки авторов этих работ, мы разберем их в свете **четырех** вопросов: «**Что?**», «**Как?**», «**Кому?**» и «**Для чего?**»

Начнем с последнего.

Охватывая общим взглядом цели и задачи наших Краеведческих Музеев, можно без труда установить **четыре** основных аспекта, или целеустановок:

- I. **Аспект мировоззренческий**: Знакомство с современными научными воззрениями на прошлое Земли и обитателей ее. Основы Дарвинизма, как биологическая база для марксистского мировоззрения.
- II. **Аспект учебный**: Приобщение к элементарным сведениям в науке о природе, применительно к программам школьного преподавания.
- III. **Аспект профессионально- производственный**: Ознакомление с природными богатствами родного края, освоение путей и средств для их приумножения.
- IV. **Аспект политико-воспитательный**: Содействие развитию любви к Природе и родному краю, к Родине, чувства Советского Патриотизма.

Таковы **четыре** основных аспекта и акцента, под углом которых составляется и предьявляется, короче говоря, «бытует» экспозиция Музея Краеведения.

Тот же объект, будь то обломок камня, полевой цветок, сверкающая чешуей рыбешка, или реющая в небе птица, могут быть трактуемы с любой из этих четырех различных точек зрения: Мировоззренческой, учебной, производственной и воспитательно-патриотической.

И все же есть существенная разница в размерах приложимости этих различных точек зрения в разных отделах экспозиции Музея: Никакими ссылками на «полевых вредителей», на «полевого Мотыля» и саранчу, — не заронить любви к родному краю, как рассказом об истории земной коры или движении планет — не углубить советского патриотизма.

Говоря иначе, разные тематики и разные объекты в экспозиции Музея Краеведения в различной мере призваны для оттенения тем или другим аспектом или осмыслением показа.

Тем уместнее спросить: Каким путем эта ближайшая, первейшая задача и обязанность Музеев Краеведения очерчена в интересующих нас брошюрах?

Всего ярче сформулирована она в статье трех авторов и посвященной «Экспозиции Отдела Природы Краеведческих Музеев».

На 8-ой странице названной брошюры мы читаем:

«Все мы любим свой край. И чем больше мы узнаем его, чем больше знаем о нем, тем сильнее и сильнее мы полюбим его.»

«Любовь к своему краю — любовь к своей Родине.. Пополнить знания о своем крае, через это увеличить любовь к нему, поднять советский патриотизм на еще более высокую ступень — почетная задача экспозиции краеведческого Музея вообще, отдела Природы — в частности.»

Прекрасное, высокое определение, проникнутое благородным пафосом патриотизма!

Захватить внимание рядовых музейных зрителей, зачаровать их яркими картинками и образами, выявляющими красоту, величие родной Природы, дать почувствовать всю прелесть, обаяние наших лесов, полей, волнистых перелесков и долин, заоблачных высот, степных просторов и таежных далей, дать почувствовать и осознать наглядно всю неисчерпаемость богатств земельных недр и морских или речных глубин нашей родной Природы, как источников ее все возрастающего благоденствия и ее мощи, закрепленной нашими великими писателями и великими победами — какой высокий, вдохновляющий удел!

Теперь попробуем в этом аспекте мысленно переступить порог того Музея Краеведения, каким он выступает в предложениях и по мысли авторов вышеуказанной брошюры. Что находим мы?

Увы! тех вдохновляющих, высоких слов хватило только для вступительных и вводных деклараций...

Не в пример героям **Гейне**, воспевавшим воду, а втайне не брезгавшим вином, организаторы «музеев» типа предлагаемых брошюрой, лишь сулят поднести «вино», на деле пробавляются водицей.

А что это так — в этом нетрудно убедиться, если беглым образом коснуться той «структуры», того «плана» экспозиции, которые рекомендуются в означенной брошюре.

Здесь достаточно отметить, что та тема, тот Отдел, та экспозиция, которые всего сильнее, всего больше привлекают массового посетителя Музея Краеведения, разделы, всего более призванные к высокой миссии Музея, как «источника любви к родному краю и патриотизма» — отодвинут на **двенадцатое** место, а предпосланы ему отделы, большинство которых мало призвано к решению этой задачи.

Тут и «**Космогония**», и «**Геоморфология**», и «**Гидрология**» и «**Климатология**» и «**Почва края**», и «**Развитие жизни на Земле**», и «**Происхождение человека**» и «**Основы Дарвинизма**», словом: вся Энциклопедия Естествознания и только на **двенадцатом**, последнем, месте значатся «**Ландшафты**» Края, т.е. тот Отдел, который всего прежде, всего лучше призван пробудить любовь к родному краю, к Родине, усилить, укрепить чувство советского патриотизма...

И осознавая полностью громадную общеобразовательную роль, или практическую ценность приведенных дисциплин, мы сомневаемся, чтобы познанием «химизма почвы» и «работы ветра» можно было пробудить любовь к родному краю, или ссылкой на «Происхождение Земли» — повысить чувство Родины, Советского патриотизма!

Вместо увлекательных картин, ландшафтов, раскрывающих величие и красоту родного края и его богатств, — Вам с первых же шагов подносят нечто высоко-научное, систематическое и академическое, но и нечто бесконечно скучное, томительное, нудное, не то «Конспект Учебника по Краеведению», не то шаблон и схему для отчетов по ведению краеведческих работ и изысканий.

Можно без труда предвидеть возражение. Нам скажут: Прежде, чем давать «Ландшафты» — надо дать «слагающие их элементы», расположенные в том порядке по отдельным дисциплинам, как они обычно излагаются в академической науке и в учебниках:

И вот, во имя этого учебного «канона», Вам рекомендуется сначала ознакомиться с **«рельефом края»**, лишь затем в виде вкрапления с **Космологией** и **Геологией**, засим с **Палеонтологией**, и в частности, **«Палеоантропологией»**, затем с **«Климатологией»**, за нею — с **«Гидрологией»**, затем лишь с **«Почвоведением»**, затем в виде добавочной, вклиненной темы — **«Дарвинизмом»**, после Дарвинизма — **мир Растений**, за растениями — **мир Животных** и кончается вся эта экспозиционная Энциклопедия — **Ландшафтом!**

Воспринять этот последний, осознать величие и красоту родного края и проникнуться к нему любовью можно — так пытаются уверить нас — лишь после овладения **двенадцатью** науками!

Но так ли это есть на самом деле?

Ведь переводя такую установку на язык «житейский», значило бы, что, знакомясь с новой местностью, гуляющий обязан всего прежде обратиться к восхищению **«рельефом»**, только во вторую очередь — **«погодой»** (облаками, климатом..), воздать затем лишь должное особенностям **«почвы»** или **«водоемов»**, только после этого — **цветам, деревьям и кустарникам**, лишь после этого — **животным**, но и здесь в определенном лишь порядке, и не восхищаться пением птиц до созерцания бабочек, или движением белочки — до пения птиц....

И пусть не скажут нам: Знакомиться с музеем и гулять на воле, — не одно и то же. Там — познание, здесь — любование Природой!

Но как будто «познавание природы» не проходит через «любование» ею! И как будто можно изучить предмет, не полюбив его!

Но справедливое для каждого предмета и любой науки, эта обусловленность **познания** — **любовью и влечением**, является первейшим обязательным условием для рядового массового посетителя музея массового типа.

И не сами ли Вы, составители «Программ» или «Инструкций» по музейной экспозиции, определили ее цель, как «пробуждение **любви**» к природе и родному Краю!

Но ведь, если так — то формы и пути, предложенные Вами для решения этих задач — предельно **неудачны!**

И последнее тем более прискорбно, что как раз под этим лозунгом — «Любви к Родному Краю» и «Советского Патриотизма» — подлинно объединяются **все** посетители Музея, в **полное отличие от трех других аспектов, к рассмотрению которых мы и переходим** .

Все они, — эти Аспекты **«производственный»**, **«учебный»** и **«мировоззренческий»** — неотделимы от проблемы **«потребителя»**, с ответом на вопрос:

«Кому предназначается экспонатура?»

Но нетрудно видеть, что проблема «Потребителя» зависит от проблемы **«Содержания»**, **«Формы»** экспозиции и **«Цели»** таковой.

И в самом деле.

Рыболову-практику необходимо увидеть в Музее **все** породы рыб, водящиеся в местных водоемах, **горняку** — все минералы, **лесоводу** — всех главнейших представителей вредителей лесов, а **агроному** — таковых полей, **охотнику** — всех представителей пушных животных данной местности....

Совсем не то для рядового массового посетителя Музея — **не-охотника, не-горняка, не-лесовода и не-агронома**, для которых созерцание сотен рыб, камней, зверей и насекомых вызывает лишь томление и скуку.

В еще большей степени этот разрыв между запросами различных категорий зрителей Музея и его экспонатурой отражается на темах **Школьной** и **Мировоззренческой**: Если учащемуся Средней Школы и рабочему, или колхознику знакомство с темой о «Происхождении Земли», ее «вращении» и месте, занимаемой в системе Космоса — уместно и необходимо, то для человека образованного эти школьные трузимы вызывают только чувство раздражения и досады.

Тем обиднее признать, что в разбираемых брошюрах эти **три** раздела, именно «Мировоззренческий», «Учебно-Школьный» и «Профессионально-Производственный» даются без учета профиля их потребителя и с молчаливым допущением, что тот же посетитель с одинаковым усердием будет знакомиться в Музее с «Птолемеевой Системой Мира», и с «Химизмом почвы», и с «Изменчивостью водяной блохи», и с «Заращением Болот», и с азбучными истинами школьного преподавания.

Сказанным определяется громадное принципиальное отличие между словесно-книжной и музейно-вещной пропагандой:

И действительно, дело одно — писать брошюры по Ботанике, Энтомологии и Почвоведению, предназначенные для ботаников, для энтомологов и почвоведов.

И другое дело — вещно отразить эти брошюры, вещно проецировать их содержание на стены массовых музеев в форме, увлекательной для **не-ботаника, не-энтомолога, не-почвоведа**...

Такова двоякая фундаментальная проблема, специфичная для Краеведческих музеев, как музеев **Массового типа**:

I. **Примирить на той же экспозиции запросы лиц, предельно разнящихся по образованию, профессии и возрасту.**

II. **Увязать четыре основных аспекта экспозиции, направленной к четвероякой цели: политической, профессиональной, школьной и мировоззренческой.**

Посмотрим же, насколько этим кардинальным двум вопросам массовой музейной экспозиции уделено внимание в разбираемых брошюрах.

Отвечая на вопрос, мы констатируем:

Не только этим двум вопросам в разбираемых работах **не** дано ответа, но вопросы эти даже и не ставятся!

Есть, правда, именно в статье А.Д. **Маневского**, попытка подойти к проблеме «Изучения запросов различных групп посетителей» (стр. 19) и к «дифференцированному их обслуживанию», — но лишь в порядке беглой декларации....

Что это так — об этом говорят рекомендуемые тем же автором мероприятия, имеющие удовлетворить запросы разных лиц, а именно введение «тематических» (вместо «сквозных») экскурсий, «многоплановости» экспозиций и замены существующих экскурсоводов — более квалифицированным персоналом.

И, однако, все эти мероприятия касаются **организованного** зрителя и только при наличии устных объяснений.

В отношении одиночных посетителей (не пользующихся обычно устным руководством!) эти три мероприятия совершенно беспредметны.

И определенно возражая (на словах!) против обслуживания «какого то абстрактного посетителя» (Стр. 19) автор брошюры оперирует на деле именно с последним, не дифференцируя, не различая:

А. Организованных экскурсий, пользующихся устным руководством, и

В. Зрителей-«Одиночек», предоставленных себе самим.

Поскольку же, по мере разрастания музейно-массовой работы, ставка будет делаться все более на «Одиночек», (ибо, как показывает практика больших музеев, — никаких экскурсоводных кадров **не** хватает для обслуживания «одиночек»!) вся методика показа может быть сводима для музеев массового типа к следующей формуле:

— **«Как рационально (т.е. с максимальной эффективностью) построить экспозицию с упором на обслуживание одиночных зрителей, не пользующихся устным руководством лектора-экскурсовода?»**

Но напрасно мы пытались бы найти в интересующих нас брошюрах указаний на попытки разрешения этого вопроса, вне которого все рассуждения о «методах музейной экспозиции» **бездоказательны**, поскольку «устное руководство» способно выправить любые недостатки вещной экспозиции, а «положительные» отзывы обслуженной им (устным руководством) группы оставляет нерешенным, что в этом успехе должно отнести на долю лектора, и что — на долю вдумчивой экспонатуры.

Повторяем: По указанному только что фундаментальному вопросу в разбираемых брошюрах не находим ни следа упоминания.

Что же удивительного, если все фактическое содержание рекомендуемых экспозиций ориентировано на абстрактного, воображаемого зрителя.

Все тот же, нам давно знакомый отвлеченный зритель, наделенный абсолютной памятью, неистощимым рвением, бездонной любознательностью, идеальной выдержкой, неограниченным досугом... в высшей степени удобный для проектов и отчетов, для программ и планов, этот «идеальный зритель» неудобен только тем, что он на деле вообще не существует!

А что это так — в этом наглядно убеждает нас любая строчка разбираемой брошюры, ничем не выдающие, что авторы последних сами **проверяли** эффективность, действенность, доходчивость для **одиночных** зрителей тематики, примеров, приводимых в качестве рекомендуемых для краеведческих музеев.

Но отсюда, как итог абстрактно-априорного подхода к делу — столь же априорная абстрактно-книжная экспонатура.

Всего прежде — колоссальная, ничем не объяснимая и неоправданная **перегрузка** материала, исключаяющая всякую возможность освоения его иначе, как в итоге многомесячного изучения десятков зал.

Второй дефект: заведомая недоступность пониманию массового зрителя целого ряда тем и терминов, могущих быть опущенными без малейшего вреда для целей массовых осмотров.

В самом деле. Позволительно спросить: Кому и для чего предназначаются такие термины, как «Поллиния», «Гетеростилия», «Протерогиния», «Протандрия», «Фанерофиты», «Хамефиты», «Гемокриптофиты», «Криптофиты», «Терофиты», «Гигрофиты», «Идиоадаптация», «Ароморфозы»?

Нужные, оправданные для учащихся и для ученых эти и подобные им термины — обуза и балласт для рядового массового зрителя, не говоря уже о спорности того, насколько для него полезно и необходимо знание самих явлений, ими выражаемых.

Не менее бесспорен третий недостаток: крайняя минуциозность, кропотливость множества примеров и явлений, приводимых в качестве «рекомендуемых» для краеведческих музеев, фактов, не имеющих к тому же ни особого практического, ни общеобразовательного оправдания.

И в самом деле. Так ли обязательно, необходимо, так ли поучительно для массового рядового зрителя знакомство с сезонным изменением формы головы у «Водяной Блохи», или окраски у «Лесных клопов»? И не рискует ли такой музейный зритель, задержавшись на «клопах» и «блохах», растерять свое внимание, растратить свои силы и не довести их до других объектов и тематик, более существенных и интересных?

И уже совсем не к делу и не к месту предлагаемый все тем же массовым музейным зрителям показ «живых животных» (!) и живых растений, или демонстрация учебных опытов на темы: «Минеральное питание», «Дыхание и Брожение» по типу и программам Средней Школы.

Перед нами — самое невероятное смешение задач и целей, тем и фактов, глубоко несродных, неувязанных взаимно, наводящих на раздумье и недоумение, сводимые к вопросу:

Для кого и для чего предназначается эта музейная энциклопедия?

Совершенно очевидно, что значительное большинство тематик и объектов, приводимых в разбираемых брошюрах, **не** учитывало «Потребителя».

А в результате — полное смешение:

А. Музея «**Массового**» и «**Учебного**»

В. Зрителя «**Массового**» и «**Профессионала**»

С. Экспонатуры «**Выставочной**» и «**Музейной**»

Д. Краеведческой «**исследовательской**» работы и ее **музейного показа**.

Обращаясь к рассмотрению каждого из этих четырех источников ошибок, начинаем с первого.

I. Смешение «Массового» Музея и «Учебного»

Легко понять причины этого смешения.

Авторы рассматриваемых брошюр — ученые и педагоги, знатоки предмета но — увы! — в разрезе лишь академического или школьного преподавания.

Отсюда — широко распространенная манера — **применять** и к массовым музеям установки университетского и школьного преподавания, методику работы, хорошо оправданную с кафедры или в учебниках, на массовых музейных зрителях, невольно подменяя их студентами или учащимися Средней Школы.

Между тем ошибочность этой подмены — слишком очевидна.

Излагая ту или иную тему с кафедры или в учебнике, автор и лектор могут не бояться трудности или детальности даваемого содержания: это последнее будет усвоено учащимся или студентом в силу **обязательности** освоения, независимо от формы или трудности.

Не то, имея дело с «массовым музейным зрителем», свободным в посещении Музея, в выборе тематики и экспонатов, осваиваемых лишь в меру занимательности содержания и методов подачи. При такой **факультативности** осмотров **массовых** музеев **массовым** зрителем все несозвучное его запросам остается без внимания, как и осмотр самого Музея и отдельных его зал, может быть прерван на любом этапе, на любом объекте.

Этим же неразличением задач «музейного» и «школьного» показа объясняется обычное в музеях разбираемого типа (и рекомендуемого авторами разбираемых брошюр!) смешение понятия «**Музейных экспонатов**» и «**наглядного пособия**», или вклинение в музейные осмотры демонстрирования опытов школьного типа («дыхание у растений», «Рефлексы у Животных»..)

Ценные, необходимые для школьников или учащихся все эти школьные, учебные пособия и опыты не должно смешивать с **музейной** экспозицией: их место и оправданность в отдельных «школьных» комнатах и аудиториях **ВНЕ** главного фарватера музейного осмотра.

В игнорировании принципиального различия приемов «массового» просвещения и «школьного» преподавания, в смешении музея «массового» и «учебного» — мы склонны видеть первый недостаток разбираемых брошюр.

Мы переходим ко второму пункту, связанному с предыдущим.

II.— Смешение «Массового» зрителя и «профессионала».

Это смешение запросов рядового массового посетителя музея и влечения «знатока», «любителя», ученого, профессионала замечается во всех нас занимающих брошюрах.

Примыкая к сказанному выше о «подмене» рядового зрителя — студентом или школьником, а знание «факультативное» — «облигаторным», обязательным — это явление представляет только частный случай неумения и нежелания смотреть на массовое просвещение иначе, как с высот академической науки.

Выражается этот «академизм» в наводнении экспонатуры, или посвященных ей брошюр, балластом неоправданных научных терминов и множеством деталей, интересных и понятных только небольшому кругу знатоков, любителей, специалистов..

Не случайно в занимающей нас серии брошюр мы видим Очерк, посвященный минералогическим коллекциям в **Геологическом Музее** нашей **Академии Наук**.

Блестяще, мастерски написанный конспект методики показа и характера фактического содержания названий коллекций этот «Опыт» — абсолютно недоступен пониманию в большей своей части массовому рядовому потребителю, и это вопреки тому, что самим автором брошюры, величайшим знатоком своего дела, допускается обратное.

Но в сущности по этому же типу средактированы все интересующие нас брошюры.

Не случайно авторы этих брошюр либо заведомо исходят в своих «Планах» и «Программах» от академических и вузовских музеев, либо всеми установками своими подражают им.

Так, в своем очерке, касающемся «Экспозиции Отделов Почвы в Краеведческом Музее», автор (проф. А.А. **Яковлев**) подробно останавливается на Почвоведческом Музее при Московском Университете и на Ленинградском Почвоведческом Музее имени проф. Докучаева.

Подобным образом и А.Г. **Гиллер**, говоря об «Экспозиции Растительности в Краеведческом Музее», разобрав детально постановку экспозиций в Ботаническом Музее в Ленинграде, упрекает их в неполноте и полагает нужным дополнять экспонатуру краеведческих музеев новыми разделами, отсутствующими в крупнейшем специально-ботаническом Музее нашего Союза.

Равным образом и у проф. Н.Н. **Плавильщикова** и в его работах, если и отсутствуют прямые ссылки на прекрасный, но не массовый Зоологический Музей московского Университета, — все же в каждой строчке чувствуется музеолог «вузовского» а не «массового» стиля.

Что же удивительного, если у всех трех (проф. **Яковлева**, А.Г. **Гиллера** и проф. Н.Н. **Плавильщикова**) программы «Краеведческих Музеев» перегружены деталями и терминами типа вышеприведенных и лежащих абсолютно за пределами потребностей, запросов, сил и интересов массового потребителя

Как будто «Краеведческий Музей» — есть только «маленький» Академический!

Берите от академических музеев их высокую научность, их идейный пафос, полноценность их экспонатуры, их борьбу с вулгаризацией, но, как музейцы-краеведы и пропагандисты, помните о специфичности Вашей задачи: примирить высокую научность с максимальной простотой и яркостью подачи, дабы избежать двоякую опасность: «**Сциллу**» черствого «академизма» и «**Харибду**» плоского диллетантизма!

Таково наше второе замечание по вопросу о смешении в стенах музея краеведческого типа «массового зрителя» и «зрителя- профессионала».

Переходим к пункту третьему.

III. — Смешение экспонатуры «выставочной» и «музейной»

В скрытом виде за вопросом этим укрывается проблема кардинальной важности, сводимая к дилемме:

«Исходить ли при организации Музея и его экспонатуры от „**Тематики**“ или от „**Вещи**“?»

Хорошо известно, что различными музеями эта диллема разрешается по разному и что несходство это выражается обычно и в самой экспонатуре, принимающей, смотря по содержанию, характер «Выставки», или «Музея».

И не отрицая случаев устройства Выставок, по ценности не уступавших таковой Музеев, можно утверждать, что несравненно чаще, и особенно так наз. «Передвижки» составляются за счет менее ценных, все-

го чаще даже вовсе малоценных материалов: фотокопий, диаграмм, таблиц и аннотаций, т.е. плоскостных объектов массового производства.

И легко понять причины этого обычно вынужденного замещения предметов полноценного музейного достоинства их суррогатами.

Задумать или «проработать» тему — несравненно легче, чем оформить, претворить ее в музейных экспонатах «вещного» достоинства.

Эти последние «не поспевают» за тематикой, часто сменяемой созвучно требованиям времени, или «запросам дня». Вот почему, при срочном оформлении таких тематик приходилось и приходится невольно обращаться к «облегченным» типам экспозиции и суррогатам подлинно-музейных.

И в итоге: — замещение картин — таблицами, объемных полноценных экспонатов — «школьными пособиями», а все вместе под покровом множества цитат и аннотаций, призванных **словесно** оправдать, или восполнить недосказанное «экспонатами» (в кавычках!), часто тусклыми и вещно мало говорящими.

Не то — в **музейной** практике, критически-научно понимаемой. Здесь скудость «вещи», замещение ее «бумагой», текстами и аннотациями выражает либо скудость средств, либо, что чаще, скудость творческого знания, неумение заставить экспонаты говорить их «вещным» языком, а не одной лишь типографской краской «объясняющих» этикетажных текстов.

Таковы два главных типа претворения научных знаний в зрительных наглядных образах музейно-выставочного показа:

А. Прием Музейный — экспозиция с упором на предметы «вещного» достоинства, с расчетом на **стабильную** экспонатуру и на темы длительной, непреходящей ценности.

В. Приемы Выставочные — с акцентом на **текучесть** тем, на портативность и упрощенность экспонатуры, часто облегченной и упрощенной по типу массового производства и поэтому доступного замене и восстановлению.

Хотя и связанные переходами эти два метода в своих типичных формах резко противоположны, позволяя без труда причислить ту или иную экспозицию к разряду «Выставочной», или подлинно «Музейной».

Заручившись сказанным об этих двух критериях, вернемся к вышеупомянутой дилемме о примате «**Темы**» или «**Вещи**» при организации музейной экспозиции.

Нетрудно видеть, что решение этой проблемы предопределяется другой: придать ли экспозиции характер «Выставки», или «музейного показа»?

И не отрицая случаев (возможных только при наличии обширных средств и вещных фондов..) сочетания примата **Темы** с полноценным **Вещным** оформлением, приходится признать, что несравненно чаще мы, «отталкиваясь», отходя от темы, подвергаемся опасности внести в экспонатуру элементы «выставочного» показа.

В этом смысле подавляющее большинство «тематик» общего и вводного характера, изложенных в рассматриваемых брошюрах (как «Образование Земли», «Развитие Жизни» и «Происхождение Человека»..) будет по необходимости носить для большинства музеев Краеведения характер «Выставочный» а не «Музейный».

И всецело признавая колоссальное значение всех этих выставок (как и других, организуемых «на темы дня»..) в стенах музеев Краеведения, должно решительно противиться засилью «выставочных элементов» в основной стабильной экспозиции таких музеев.

Защищая в полной мере «**Тематичность**» каждого музейного объекта и борясь с его «кунсткамерным» и чисто «вещным» восприятием, расценивая «**Вещь**» Музея — в свете и лишь в меру выявляемой им мысли, должно самым резким образом протестовать против попыток, чтобы не сказать «системы» некоторых музеев — наводняя свои залы текстами из книг и аннотациями, превращаться в некое подобие «Стенных Газет», или распластанных, разброшюрованных учебников!

Вот почему советы и суждения, могущие, при ложном понимании, дать мнимую оправданность этой тенденции, смешения «Музея» с «Выставкой», — едва ли могут быть рекомендуемы в музейных руководствах¹.

Таков наш третий корректив по поводу смешения «Выставочных» объектов и «Музейных экспонатов», методов показа «выставочных» и «музейных».

Обращаемся к последнему, четвертому сомнению и замечанию. Касаются они двух часто смешиваемых понятий и проблем:

IV.— Смешения понятий «Экспоната» и «Объекта краеведческого изучения», проблемы Краеведческой работы и ее Музейного показа.

Наиболее наглядно это явное смешение двух разных функций Краеведного Музея выступает в ряде методических высказываний А.Г. Гиллера. Так в рукописном его очерке, повторно приведенном выше («Экспозиция Растительности в Краеведческом Музее») мы читаем:

— «В задачи Музея входит собрать все, что только возможно, засушить, заспиртовать, определить, монтировать и привести в полный порядок» (стр. 10).

Но нетрудно видеть, что буквальная реализация этой программы:

«Засушить, заспиртовать все, что только возможно..» одинакова сомнительна со стороны технической, как и научной.

С точки зрения **техники**, потребовав многие тонны спирта и **бумаги**.

С точки зрения **научной**, собственно исследовательской, поскольку и в научных целях собирается не «все, что только можно», но лишь то, что отвечает целям сборов, связано с определенными проблемами.

Но еще более тревожно содержание этой цитаты в применении к музейно-экспозиционным целям, а на них по существу и ориентирована брошюра..

При буквальном выполнении приведенного совета можно без труда предвидеть **две** опасности.

Равняясь по «экспонатуре», собирая только то, что может быть показано, мы сокращаем сборы а тем самым и научные исследования до пределов, допускаемых наглядной популяризацией и кубатурой выставочных зал.

Равняясь по «науке», собирая материал безотносительно к размерам выставочных помещений, но согласно приведенному принципу «все, что только возможно», — мы рискуем загрузить все помещения Музея до непроходимости.

И если оба эти опасения фиктивны, то лишь потому, что заключенная в той фразе директива нереальна и нежизненна, поскольку **поступает в экспозицию лишь очень небольшая часть всех собираемых в научных целях материалов.**

Менее заметно, но тем более опасно сходное смешение задач исследователя и музейца- «экспозиционера» в следующей цитате, взятой из статьи А.Д. Маневского.

Под заголовком «Принципы массовой работы Музеев» на стр. 16 мы читаем:

«Построение экспозиции, собирание, хранение, изучение фондов и научно-исследовательская работа подчинены задачам пропаганды».

Приведенная цитата заключает наряду с бесспорной истиной, столь же бесспорную ошибку.

¹Как это имеет место в директивной небольшой брошюре А.Д. Маневского:

«Применение в экспозиции фотокопий, карт и картограмм, цитат, диаграмм и таблиц, схем и аннотаций открывает большие возможности в разрешении тематических задач экспозиции» (стр. 14).

Верно то, что вся исследовательская работа краеведа в заключительных своих итогах и **важнейших** достижениях должна увязываться с пропагандой, а тем самым с экспозицией Музея.

Но ошибочно, будто работа краеведческих музеев в целом уместается в задачах «пропаганды», будто собиране, изучение фондов и научно-исследовательская работа ориентируются «экспозицией».

Толкуя вышеприведенное суждение буквально, молодой, неопытный музейец-краевед невольно ограничит свои сборы или изучение фондов целями «показа», или «пропаганды», а поскольку экспонируется в краеведческом музее лишь ничтожная частица собираемого материала, на которой проводить серьезную **научную** работу невозможно, — выполнение указанного тезиса таит угрозу срыва или опрошения этой работы.

Сходное смешение работ **исследователя-краеведа** и **музейца-экспозиционера** оттеняет, или, говоря точнее, затемняет содержание большинства нас занимающих брошюр.

Можно уверенно сказать, что добрые **две трети** (а местами полные **девять десятых!**) указаний, директив, советов и рецептов, в них изложенных, касаются **исследованиях** Края, а не практики работы в **Выставочных Залах**.

Это смешение работ «Музейца-Краеведа» и работы Краеведа-не музейца связано с практическим вопросом:

В какой мере «энциклопедизм» тем в экспонатуре Краеведческих музеев требует «универсальных» знаний у его работников.

Со всей определенностью вопрос этот поставлен в упомянутой брошюре А.Д. **Маневского**, сомнения которого сводимы к следующим положениям:

Тематика Музеев Краеведения — включая и так наз. «Вводные Отделы» попросту необозрима: от вопросов Космоса до «водяной блохи».

Вместить все эти знания в одном уме — задача, иллюзорная в эпоху Лейбница и Парацельса, еще менее возможная теперь. Отсюда вывод: заменить фиктивных универсалистов — подлинными знатоками каждого раздела и специалистами по каждому из них (стр. 18—19).

Но нетрудно видеть, что проблема «Энциклопедизма» краеведческих музеев опирается о то же очевидное смешение работ «Исследования » и «Показа».

Совершенно очевидно, что, как всякая научная работа, так и плодотворные **исследования** края (а не только единичные случайные удачные находки..) требуют научной специализации, и что за редким исключением, «универсальным» знатокам грозят опасности диллетантизма.

Но не то по отношению к работникам Музея в его **выставочной** части. Здесь, как при организации экспонатуры, так и при ведении ее осмотров с массовым зрителем известный «энциклопедизм» (правда, в отношении лишь самых главных уже установленных бесспорных фактов или обобщений..) представляется **необходимым**, как залог широкого подхода к пониманию Музея в целом.

Таковы наши критические замечания по вопросу о смешении «краеведческой» работы и ее музейного показа, «экспоната» и научно-исследовательского объекта: Вопреки своей элементарности это смешение, подобно черной тени, явным или скрытым образом сопровождает авторов всех нас интересующих брошюр.

Четыре основных источника ошибок или промахов этих брошюр сводимы, как мы видели, к четырехкратному смешению:

I. **Музеев «Массового» и «Учебного»**

II. **Зрителя «Массового» и «Профессионала»**

III. **Экспонатуры «Выставочной» и «Музейной»**

IV. **Краеведческой работы и ее Музейного «показа»**

И сводя в одно эти четыре промаха, нетрудно их объединить в едином обобщающем упреке:

Игнорировании Методики Музейной Практики.

Как примирить запросы массовых музейных зрителей без опасения вызвать скуку и томление одних (за трудностью сюжета и показа.) и досаду-раздражение других (банальностью показа, или темы..)?

Как согласовать высокую научность содержания и простоту, доходчивость и «теплоту» подачи?

Как откликнуться на специальные практические нужды и потребности профессионалов — горняка, животновода, огородника, охотника по зверю, или рыбака, сочетав их с интересами историка, библиотекаря, любителя литературы. Как заставить перекликнуться **Черкасова** и **Докучаева** с **Тургеневым** и **Чеховым**?

Как облегчить работу школьника и педагога, не рискуя превратить Музей в распластанный, разброшюрованный Учебник?

Как избежать в равной мере и «Академизма» и «Диллетантизма»? Как предотвратить опасность, в свое время так настойчиво указанную **Лениным**, опасность превращения «Популяризации» — в «Вульгаризацию»?

Как захватить, зачаровать, «заволновать» нашего массового посетителя, показывая ту же тему, те же самые объекты знатоку науки и «профану», и сезоннику-рабочему, и академику, и старцу, и дошкольнику, **эмоционально** подведя к предмету, пробудить к нему рассудочную любознательность?

И, наконец, — фактически же всего прежде! — Как, показывая в самых разных образах или аспектах факты и явления родной Природы, оттенять их не навязчиво, но все же неотступно «лейтмотивом» **всей** экспонатуры и **всего** Музея — чувством восхищения, любви к Природе, к Родине, родному краю, как источнику патриотизма и не столько помощью плакатов, сколько энтузиазмом, пафосом и преданностью, вложенными в «**Вещи**», отраженным светом заражающими зрителя сознанием величия родной Природы, Родины и творчества ее народа-победителя?

— На все эти вопросы, эти требования мы в разбираемых брошюрах тщетно стали бы искать ответов, или опытов, попыток в направлении искомого решения...

И причина этого — не недостаток знания, или любви к своему делу у отдельных авторов рассмотренных брошюр, написанных по большей части подлинными знатоками своего предмета, замечательными эрудитами...

Причина та, что в увлечении своей «академической наукой» и привычки оперировать с «академическим» музеем — авторы брошюр забыли о науке, именуемой «**Музеологией**», как совокупности приемов, методов и установок, обязательных в музеях **массового** типа, а тем самым и в музеях **Краеведения**.

«Музейцы», позабывшие «Музеологию» — науку о **методике** Музеев!

Сказанному не противоречит то, что слово «Метод» и «Методика» так часто фигурируют в рассматриваемых брошюрах: многозначные до крайности эти слова как нельзя лучше прикрывают — по рецепту Фаустовского Мефистофеля — разноречивость, сбивчивость и непродуманность понятий.

Очень часто словом «Метод» пользуются там, где правильнее говорить о «содержании» и «технике».

Так, в разбираемых брошюрах авторы их говорят о «Методе Ландшафтов», противопоставляя его «Методу» систематического размещения объектов.

Но при этом забывают, что различия в обоих случаях касаются не «Метода», но содержания и техники.

Тот же зверек, тот же жучек, и та же птичка демонстрируются то отдельно, порознь, жучки — с жучками, птица — с птицами, сериально, всего чаще (но не обязательно!) без имитации природной обстановки, то — совместно: и зверьки, и птицы, и жучки на фоне инсценированного ландшафта, будь то помощью засушенного мха, коры и веток, будь то — помощью подкрашенной мочалы или ваты.

Говорить о «Метод» Ландшафта в экспозиции Музея столь же убедительно, как пользоваться этим словом в применении к книжным иллюстрациям, сказав, что «Книга иллюстрирована по методу Ландшафта».

Говорить о «Методах» и о «Методике» в музейной практике возможно, строго говоря, лишь в применении к массовым музейным зрителям (и всего прежде — «Одиночкам»), т.е. там, где соучаствует **Психологический** момент воздействия объекта на субъект, момент контроля и проверки этого контакта.

И, как безрассуден был бы педагог, который стал бы говорить о «методах» преподавания, не проверяя их в **учебной практике**, так неразумно, ибо беспредметно, рассуждать о «методах» музейной экспозиции **без предварительной проверки их в музейной практике**.

Перефразируя слова великого философа, возможно было бы сказать:

«Методика показа, не рожденная в общении с музейным зрителем, в самих музейных залах, не проверенная практикой — есть лишь музейная „словесность“ и схоластика!»

Как подносить науку разным категориям музейных зрителей?

Как приобщить их не к пассивному лишь созерцанию, но к действительному восприятию и усвоению нормативных знаний, претворенной в «вещной экспозиции»? Как приспособить эту «вещную экспонатную» для предельно эффективного использования **одиночным** зрителем?

Какими мерами, приемами, порой уловками возможно стимулировать его внимание и облегчить фактическое восприятие объекта, усвоение обобщающей его идеи? Каким образом заставить экспозицию заговорить на «языке вещей», а не полотнами этикетажа, оставляемого без прочтения?

О всех этих вопросах ни в одной из разбираемых брошюр мы не находим ни малейшего упоминания, если не считать попутно брошенных советов об этикетаже, не решающем проблемы о **пригодности самой экспонатуры для показа одиночным зрителям**.

Проблема «Ассертивности» и «Нормативности» музейных тем; — Проблема обеспечения «музейного фарватера», порядка следования по музейным залам; — Примирения запросов «одиночек» и организованных участников «экскурсий»; — Роль экскурсовода и этикетажа, их взаимная антиномия и пути ее смягчения; — Борьба с кунсткамерными элементами, присущими порой самой серьезной свиду экспозиции; — Борьба с «периферийным полем» зрения при восприятии стенной экспонатуры; — О принципах лаконизма, Эстетизма и Логизма в экспозиции; — Борьба с «академизмом» и «дилетантизмом» — этой «**Сциллой**» и «**Харибдой**» массовых музеев; — О согласовании значительности зрительного восприятия и подлинной идейной значимости экспоната; — О различных способах учета эффективности работ Музея в целом и доходчивости разных типов экспонатов; — О сравнительных достоинствах принципа «монотематических» выставочных зал; — О сериальном методе показа; — О различных способах учета эффективности обслуживания «Одиночек»; — Изучение «музейных зрителей» путем анкетно-статистическим, фиксированием речевых высказываний, письменных свидетельств... Таковы только немногие проблемы, обнимаемые той особой новой специфической наукой, именуемой **Музеологией**, системой методов музейного показа.

Но напрасно перелистываем мы брошюры, изданные в помощь Краеведческим музеям, тщетно ищем мы упоминания и обсуждения этих важнейших методологических вопросов всей новейшей музеологической Теории и Практики, — Вопросы эти для почтенных авторов нас занимающих брошюр фактически **не** существуют.

Никакой музейно-методической работы авторами названных брошюр доселе не велось и не ведется.

И легко понять причины этого лишь кажущегося парадокса.

Видные ученые и педагоги, составители означенных брошюр знакомы с демонстрацией музеев лишь по линии музеев **Вузовского** типа, или школьного, учебного характера и назначения.

Поскольку же эти музеи создаются в целях **обязательного** их освоения учащимися, никаких особых «методов» показа в них не практикуется. Всеобязательность предмета гарантирует его хотя бы только временное усвоение в музее, не зависимо от способов подачи: трудных или легких, ярких или нудных.

Что же удивительного, если, получив задание «составить инструктаж для краеведческих музеев», составители брошюр распространили эту им привычную учебную, академическую «безметодную» манеру на музеи массового типа, насыщая их примерами и темами, безотносительно к их трудности и нудности.

Отсюда — насыщение программы краеведческой экспонатуры темами или объектами, уместными лишь для музеев школьно-вузовского типа и стремление превратить музеи в «вещные энциклопедии», а зрителей музеев — в мнимых энциклопедистов.

Более того. Привыкнув оперировать с рисунками учебников или таблицами, пригодными лишь для учебных целей, обязательного усвоения, — вчерашний университетский лектор, став на положение «музейца», продолжает «по привычке» пользоваться «экспонатами» упрощенного типа в виде книжных иллюстраций и таблиц, заимствованных из учебников.

Возвращаясь к перечню тематик и примеров, приведенных в разбираемых брошюрах и рекомендуемых их авторами, можно утверждать, что большинство этих примеров никогда не экспонировалось и не будет фигурировать в музеях массового типа из-за безнадежности привлечь внимание массового зрителя проблемой «изменения формы головы у водяной блохи», «химизма почвы», адаптации длины (по миллиметрам!) хоботка у бабочек, как и других примеров, столь же недоходчивых для массового «вещного» показа.

И нетрудно видеть, что за всеми этими пробелами и неполадками стоит исходный роковой источник искажений экспозиций массовых музеев: **выдвигание примата темы вопреки отсутствию возможностей ее Музейного отображения.**

В итоге — яркие идеи и значительные темы в тусклом, нудном и бездарном оформлении, способном лишь дискредитировать идею, отпугнуть от темы массового зрителя.

Полезно помнить, что в музейной экспозиции наука сочетается с искусством, лозунгом которого является созвучность, адекватность содержания и формы.

И, как неприемлемо для наших дней бессодержательное, безидейное искусство, также неприемлемо в музейной экспозиции насильственное поступление формы ради содержания, так и обратно, содержанием во имя мыслей, органически не вытекающих из вещной, специфической экспонатуры данного Музея.

— «Чтобы хорошо зажарить кролика» — так говорит французская поговорка — «надо иметь кролика».

Чтобы создать доходчивую полноценную экспонатуру, — надо иметь достаточно доходчивых и вещно-полноценных экспонатов.

Полагать обратное и думать, что отсутствие последних можно заменить обилием цитат и аннотаций, лозунгов и поясняющим этикетажом — значит оказаться в положении повара, наивно думающего, обилием «приправ» или богатством сервировки заменить факт неимения кролика.

Короче и без кулинарных аллегорий: неразумно смешивать задачи временных отчетных или агитационных выставок с задачами стабильной полноценной, «вещной» подлинно-музейной экспозицией, единственно оправданной в музеях массового типа, и тем самым для музеев **Краеведения.**

Таковы четыре основных источника ошибок, или промахов, обычно наблюдаемых в Музейной практике и свойственных в широкой мере разбираемым брошюрам:

I. Смещение Музея «Массового» и «Учебного»

II. Смещение зрителя «Массового» и «Профессионала»

III. Смещение Экспонатуры «Выставочной» и «Музейной»

IV. Смещение задач «Исследования» и «Показа»

Вместе взятые эти **четыре** группы промахов или ошибок объясняют свойственную разбираемым брошюрам малую последовательность в проведении **четырех** аспектов, в направлении которых строится экспонатура краеведческих музеев:

I. Аспект «мировоззренческий»

II. Аспект «учебный»

III. Аспект «профессионально-производственный»

IV. Аспект «политико-воспитательный»

А в результате — неизбежное смешение запросов **четырёх** главнейших категорий посетителей музеев массового типа:

I. Учащихся и Педагогов

II. Производственников и Профессионалов

III. Массового рядового зрителя

IV. Ученых, Краеведов, Знатоков науки и ее Любителей.

Это последнее «смешение» нами понимается не в том наивном смысле, будто четырьмя «аспектами» отвечают и четыре наши категории музейных «потребителей», будто «учащимся» экспонатура подается без «мировоззренческих» и «политических» акцентов, или «производственнику» — форме «цехового техницизма», грубой эмпирии и сухого утилитаризма.

Понимается это «смешение» в том смысле, что соотношения этих **четырёх** «аспектов» выявляются отчасти в направлении «необратимости».

Навязывать ученым посетителям знакомство с школьными объектами, рассеянным по залам, столь же мало рационально, как загруживать умы, вернее зрение учащихся деталями Отделов Производственных, полезных, интересных лишь профессионалам и любителям.

Но даже более того. Как ни ценна и обязательна «мировоззренческая» пропаганда наших массовых музеев, как ни актуальна их задача приобщения широких масс к свободному научному мировоззрению, — имеется другая, столь же неотложная и актуальная: Музеи, как рассадники профессионального образования, будь то шахтера-горняка, животновода, агронома, лесовода, промыслового охотника и рыболова...

И нетрудно видеть, что задачи эти требуют не меньшего внимания, чем предыдущая: Ссылаться на усвоенность «Системы Птоломея» и учения **Дарвина** и смешивать «Кукушку» с «Ястребом» для лесовода столь же мало извинительно, как для колхозника — смешение пшеницы и пырея.

И, однако, ни «Учебной», ни «профессиональной» линией работы не исчерпываются, согласно предыдущему, задачи массовых музеев: Далеко не каждый массовый музейный зритель сможет и захочет оценить эти «аспекты».

Но имеется один, объединяющий всех посетителей Музея без различия образования и возраста, поскольку все без исключения посетители Музея **патриоты своей Родины**.

Отсюда — подстилающая все другие и венчающая их задача: укрепление любви к родной Природе и родному краю, а тем самым к **Родине** — чувства **Советского патриотизма**.

И тот факт, что именно по данной линии мы в разбираемых брошюрах, писанных и изданных в години величайшего подъема национального самосознания, не чувствуем, не видим соответственного отзвука, — факт этот лишний раз подчеркивает элемент оторванности содержания этих брошюр от массовых музеев и от массовых их потребителей, отрыв от **массы**.

И заканчивая настоящий Очерк, посвященный дружеской, товарищеской критике разобранных брошюр, я затруднился бы свести ее итоги к мысли, более ответственной, чем та, которой завершается «**История ВКПб**», словами **Сталина**, одетыми в аллегорическую форму древне-греческого мифа об «**Антее**», столь непобедимом своей связью с матерью-Землей, погибшем, оторвавшись от нее.

Перефразируя слова **Вождя**, да будет мне разрешено сказать:

«**Вся наша массовая работа — а тем самым и работа Краеведческих Музеев — держит-ся своею связью с массами.**»

«**Работа наша гибнет, если она замыкается в свою узко-академическую скорлупу, если она отрывается от масс...**»

